Три любви Михаила Державина

Женщины в жизни знаменитого артиста

ЗА КУЛИСАМИ

С Роксаной Бабаян Михаил Державин познакомился в самолёте.

ФОТО МИХАИЛА ВОЛКОВА

Я сейчас между двух моих знаменитых партнерш нахожусь. У Веры Кузьминичны Васильевой прошел юбилей, в котором я принимал участие, пел ей песенку вместе с ведущим – Юрой Васильевым. Вышел из этого юбилея, играю по четырнадцать спектаклей в месяц и участвую в подготовке юбилея Ольги Александровны Аросевой. А юбилеи это серьезные, по восемьдесят лет девушкам нашим…

Мне на будущий год исполняется семьдесят, но я чувствую, что Вера Кузьминична и Ольга Александровна просто девчонки по сравнению со мной.

Алексей Москвичев
Журналист

Корреспондент «РК» сел напротив Михаила Державина и включил диктофон. Первый вопрос был традиционным: «Над чем работаете, где снимаетесь?..»

– Михаил Михайлович, вы всю жизнь проработали в театре. С театром связана и ваша первая любовь…

– Ею стала Екатерина Аркадьевна Райкина, прелестное существо и моя однокурсница. Моя квартира находилась в соседнем доме от театрального училища, и все происходило под присмотром моей мамы. Кроме этого, были затяжные прогулки по ночному городу, встречи рассвета, поцелуи над Москвой-рекой… Все происходило романтично и благопристойно, совсем как в старых советских фильмах.

Я сделал предложение, Катя согласилась стать моей женой, родители сняли нам квартиру, и вскоре после этого мы разошлись. Ее пригласили в театр Вахтангова, я пошел в Ленком – он давал броню от армии. Мы репетируем в разных театрах, порознь ездим на трехмесячные гастроли, графики наших поездок не совпадают… И любовь растворилась.

За Катей в театре ухаживали многие, и первый роман – на излете нашего брака – у нее был с Юрием Васильевичем Яковлевым. Через год после того, как мы разошлись, у них родился сын (а у Юрия Васильевича тогда дочери было полгода). Сейчас актриса театра Сатиры Алена Яковлева, первая дочка второго мужа моей первой жены играет со мной в одних спектаклях. Тогда меня впервые упомянули в прессе – в отделе разводов газеты «Вечерняя Москва».

Но Аркадий Исаакович Райкин и его жена Руфь Марковна (он называл ее Ромой) по-прежнему относились ко мне великолепно. Мы остались друзьями на всю жизнь. Иногда мне кажется, что Райкин даже завидовал моему печальному опыту. После развода он подошел ко мне и спросил с печальным придыханием: «Миша, приятно начать все сначала?»

– А он ведь был известным донжуаном…

– Райкин был болен женщинами, женщины обожали его, а он всю жизнь любил Рому. Она была очень красива: огромные глаза, прекрасные волосы… Подкрасившийся и нарядившийся Филя Киркоров очень на нее похож. Она всегда занимала главное место в жизни Аркадия Исааковича, а другие женщины помогали ему сохранять форму.

– Что же было потом?

– Потом я сыграл свою первую большую роль в посвященной стилягам пьесе правдинского фельетониста Семена Нариньяни и на собственных костях ощутил всю силу женской любви. Я играл злого гения советской молодежи: меня бичевали и перевоспитывали, а я пел упаднические песни:

Два туза, а между
Кралечка вразрез.
Я имел надежду,
А теперь я без…

Спектакль имел успех, поклонницы заставили меня взглянуть на отношения мужчины и женщины с новой точки зрения. Некоторые из них были гораздо старше, чем я, и всячески меня домогались. После спектакля у служебного входа стояли пять-шесть женщин с букетами, и я уходил задворками, как Ленин от облавы. Среди них было много иногородних школьниц и студенток, приехавших в Москву на каникулы, но были и москвички. Видное место в их рядах занимали профессиональные фанатки, дамы слегка не в себе.

Театр, поклонницы, в труппе меня любят, я разведен – чем не жизнь? А в одном спектакле со мной играет Инна Кмит. Ее муж Виктор Михайлович Суходрев, переводчик Хрущева, часто приходил на спектакли и приводил своих друзей. Среди них была Юлия Леонидовна Хрущева, внучка Никиты Сергеевича. Она училась на факультете журналистики с Ниной Буденной и однажды привела ее на мой спектакль. А перед этим сказала, что есть хороший парень, начинающий, но уже известный артист, – отчего бы вам не встретиться… И устроила нам свидание.

Нина начала ходить на мои спектакли: у нас еще и романа-то не было, но я уже чувствовал, что попал в совершенно новую, запретную для чужаков среду. Другие дома, другие – гигантские – квартиры, легендарные люди, которые в них обитали.

– Так ведь и известные артисты в пятидесятые годы вроде на жизнь не жаловались…

– Мой отец был одним из ведущих артистов Вахтанговского театра, мы жили в отдельной квартире в арбатском переулке. Но она состояла из двух маленьких комнат, а нас было четверо. Нина жила на улице Грановского, в правительственном доме, по ее квартире можно было ездить на велосипеде. В соседнем подъезде жил Ворошилов.

И вот наконец Нина сказала: «Я хочу познакомить тебя с родителями».

На Семене Михайловиче были до блеска начищенные туфли, маршальские брюки с лампасами и шелковая рубашка-косоворотка, которую надевали под мундир. Он провел меня по квартире, показал свои шашки – они стояли на специальной стойке. На стене в кабинете висела огромная картина: Сальские степи, зеленый «Паккард», на переднем сиденье сидит Сталин в белом кителе, сзади – Ворошилов и хозяин дома.

Все решилось, мы стали женихом и невестой, пора было устраивать свадьбу. Семен Михайлович как раз переезжал с государственной дачи на собственную (она тоже находилась в Баковке), и наша свадьба была последним торжеством, которое происходило в старом доме. Это было перестроенное имение Выруботых: большой, отделанный деревянными панелями дом с собственным кинозалом. Тогда он казался дворцом. На свадьбе были и старые маршалы, и ребята из театра Ленинского комсомола. После нескольких тостов грань между поколениями стерлась.

– Как у вас складывались отношения с тестем?

– Замечательно. Семен Михайлович очень любил, когда я ему рассказывал о театре, и говорил, что политика очень на него похожа. И это сущая правда.

Как-то я спросил его, как он относился к Сталину.

– Сынок, – ответил Семен Михайлович, – есть в театре люди, готовые расстрелять Валентина Плучека?

– Да, – отвечаю, – есть.

– Но другие его любят?

– Есть и такие.

– Есть те, кто хочет при его помощи выдвинуться?.. Умножь все это на несколько десятков миллионов и получишь СССР в тридцатые – пятидесятые годы.

Дома Буденный был очень веселым, добрым и остроумным человеком. Ему тоже пришлось хватить лиха: его первую жену, певицу Большого театра, репрессировали.

– Как ваша жизнь складывалась дальше?

– В 1979 году мы с Ниной Семеновной разошлись. Все расплылось, жизнь пошла в разные стороны. Нина Семеновна работала в Союзе художников, я в театре, у меня стали возникать романы. Когда ты, молодой, репетируешь с молодой актрисой, без этого не обойтись. Вот я и влюбился в Таню Васильеву, тогда еще Ицыкович. Семьи бросать мы не собирались, но я был счастлив. У моей жены тоже были увлечения, и наш брак уплыл в никуда.

Я ушел с Грановского, вернулся к себе на Арбат… И встретил Роксану Бабаян.

Собственно говоря, мы познакомились в самолете, перед моим разводом, когда я измученный и понурый летел в Джезказган выступать на стадионе на концертах. Я обратил внимание на очаровательную попутчицу, подсел к ней и острил все четыре часа до Джезказгана. Вернувшись в Москву, позвонил ей, пригласил в кино, но она как раз уезжала на три месяца в Африку. А когда Роксана вернулась, я перезвонил ей еще раз и сказал:

– Роксана, я развелся. И я ждал тебя.

Она была совершенно поражена, но в конце концов я убедил ее в том, что говорю правду.

ДОСЬЕ

Михаил Державин родился 15 июня 1936 г. в Москве. Окончил театральное училище имени Щукина. С 1969 г. работал в театре Ленинского комсомола. В этом же году пришёл в Театр сатиры. В кино снялся ещё на втором курсе, сыграв главную роль в фильме «Они были первыми»

Я играл злого гения советской молодёжи: меня бичевали и перевоспитывали, а я пел упаднические песни